

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ МОТИВАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ЭТНОРЕЛИГИОЗНОМ ТЕРРОРИЗМЕ

Рассматривается специфика мотивации совершения террористических преступлений членами радикальных исламистских группировок, характеризующей субъективную сторону преступлений в сегменте этнорелигиозного терроризма, получившего в современном мире наибольшее распространение. Обосновывается гипотеза выбора двух основных мотивов преступной деятельности террористов под лозунгами ислама – догматико-правовой легитимации террора с позиции религии и корпоративно-поощрения террористической деятельности.

Ключевые слова: этнорелигиозный терроризм; фикх джихада; байят.

Согласно современной уголовно-правовой статистике в структуре преступлений против общественной безопасности на первый взгляд невелико «...количество таких особо опасных преступлений, как террористический акт (0,15%); бандитизм (0,2%); захват заложника (0,01%); организация преступного сообщества (0,05%) либо незаконного вооруженного формирования (0,08%); вандализм (0,28%); нарушение различных правил безопасности (0,3%)...» [1. С. 100]. Тем не менее за каждым выявленным фактом упомянутых преступлений скрыты человеческие жертвы, нанесенный гражданам и государству значительный материальный ущерб, глубокие психологические травмы пострадавших и массовые фобии в обществе.

Если в январе–декабре 2010 г. органами внутренних дел Российской Федерации было зарегистрировано 581 преступление террористического характера (11,2% от общего числа преступлений, совершенных в 2010 г.) и 656 преступлений экстремистской направленности (+19,7%), то за период с января по июль 2011 г. уже зарегистрировано 411 преступлений террористического характера (+26,5%) и 388 преступлений экстремистской направленности (6,0%). Организованными группами или преступными сообществами совершено 10,5 тыс. тяжких и особо тяжких преступлений (29,5% от общего числа преступлений, совершенных за указанный период 2011 г.). Количество выявленных преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, составило 18,7 тыс., а количество выявленных фактов хищения и вымогательства оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств – 840 фактов. С использованием оружия совершено 4 тыс. преступлений (8,7%). Наибольшее количество зарегистрированных преступлений данной категории отмечается в Республике Дагестан (396), Свердловской области (322), г. Санкт-Петербурге (196), Ставропольском (132) и Красноярском (132) краях [2]. В силу обозначенного на первое место выходят вопросы уголовно-правовой квалификации терроризма как преступления против мира и безопасности человечества.

Современный терроризм в значительной степени обусловлен социальными, политическими, экономическими, духовными противоречиями, существующими в обществе, а его масштабы и тяжесть последствий детерминируют серьезную общественную опасность. Данное обстоятельство предопределяет большую значимость глубокого криминологического анализа терроризма.

Одной из криминологических характеристик современного терроризма является его глобальность, угрозы

международной безопасности со стороны целого ряда национальных террористических организаций, возрастание масштабности ущерба от террористических акций. Об этом свидетельствует возрастающее число фактов международной террористической деятельности в странах Европы, Азии, Америки, а также в России. Особенную тревогу вызывают как рост в 2000-х гг. числа и масштабности террористических актов, совершаемых российскими и иностранными гражданами на территории Российской Федерации, так и интеграция на основе террористических группировок разнообразных видов терроризма (политического, государственного, международного, этнорелигиозного, националистического, корыстного, внутрикриминального и т.п.).

Крупнейший отечественный терролог Ю.М. Антонян справедливо подчеркнул в своей работе «Этнорелигиозный терроризм»: «...необходимо решительно отказаться от мнения, что террористы якобы не имеют ни национальности, ни религиозной принадлежности. Такое утверждение равносильно мнению, что у террористов нет возраста или пола... Проблема причин терроризма всегда будет принадлежать к числу самых актуальных, поскольку сам терроризм – в тех или иных формах – вечен. Этнорелигиозный – лишь одна из его разновидностей, поэтому необходимо искать и исследовать причины именно этнорелигиозного терроризма, а не какого-нибудь иного, всегда обязательно учитывая его характер, конкретные проявления, конкретных людей, особенно лидеров, конкретные условия, в которых он реализуется. По сравнению с другими видами этнорелигиозный терроризм сейчас получил в мире наибольшее распространение» [3. С. 52].

Известный отечественный криминолог М.И. Лазарев считает, что любой вид терроризма как преступления должен быть квалифицирован с четырех сторон: субъекта, субъективной стороны (вина), объекта, объективной стороны (действие, бездействие, противоправность, причинно-следственная связь) [4. С. 52].

К криминологическим особенностям этнорелигиозного терроризма можно отнести особый спектр мотивов участников террористических действий.

В настоящей статье автор ставит целью анализ некоторых наиболее важных элементов субъективной стороны данного преступления. Известно, что содержание субъективной стороны любого преступления раскрывается с помощью таких юридических признаков, как вина, мотив и цель. Применительно к рассматриваемому преступлению очевидно, что все акты терроризма совершаются физическими лицами с прямым умыслом. При совершении преступления лицо осозна-

ет общественную, а в большинстве случаев международную опасность своего деяния, предвидит и желает наступления определенного преступного результата. При этом правильная оценка любого поведения, в том числе преступного, невозможна без учета его мотивов и целей. Мотив и цель – это психические явления, которые вместе с виной образуют субъективную сторону преступления [5. С. 52].

Мотивы, которыми руководствуются преступники при совершении акций этнорелигиозного терроризма, могут носить довольно разнообразный характер. Преступление может быть совершено из политических соображений и даже из мести [6. С. 64–65]. В настоящее время наряду с политическими и националистическими побуждениями лиц, осуществляющих приготовление и реализацию террористических актов, широкое распространение в мотивации приобретают и погоня за денежным вознаграждением, и настроения мести, в том числе этнорегиональной обусловленности, межклановая конкуренция за экономическое и политическое господство, криминальное самоутверждение и пр. Значительную угрозу обществу несёт слияние политического и националистического терроризма с общеуголовной преступностью, существование своеобразного уголовного терроризма. Такое слияние осуществляется в основном в рамках общих экономико-финансовых стратегий структур экстремистского толка и организованной региональной преступности.

В настоящее время криминологическая характеристика этнорелигиозного терроризма как одного из самых общественно опасных преступных деяний может быть поверхностной без анализа мотивации личностного преступного умысла террориста или организованной группы лиц, участвующих в подготовке и осуществлении террористического акта. Несомненно, большинству лиц, совершающих террористические преступления, присущи умышленный характер деяния, применение насилия как способа совершения общественно опасного деяния, а также использование в качестве орудия преступления либо объекта посягательства предметов, являющихся источником повышенной опасности (оружие, взрывные устройства, взрывчатые, радиоактивные материалы и т.п.). Одной из важнейших черт, характеризующих личность террориста, на наш взгляд, является религиозный либо националистический фанатизм.

Специалисты нередко высказывают мнение, что личности террориста присущи черты насильственного преступника с эгоистическим превалированием собственного значения, с пренебрежением к иным людям, их правам и законным интересам. Мотивами их поведения служат корысть, месть, несогласие с политическими решениями, общепризнанными духовными установлениями общества, а в отдельных случаях – даже молодёжная романтика.

Особым психопатологическим мотивом террористических актов иногда является желание собственной гибели. Так, описывая Сулятицкого, одного из членов своей боевой группы, Б. Савинков отметил: «...в нем гармонично сочетались две основные черты психологии каждого террориста. В нем в одинаковой степени жили два желания: желание победы и желание смерти во имя революции. Он не представлял себе своего уча-

стия в терроре иначе, как со смертным концом, более того, он хотел такого конца: он видел в нем, до известной степени, искупление неизбежному и все-таки греховному убийству. Но он с не меньшим напряжением желал и победы, желал умереть, совершив террористический акт, трудный по исполнению и значительный по результатам» [7].

На основе анализа деятельности наводившей страх на Европу в 1970-х гг. террористической группы Баадера-Майнгоф, члены которой в 1976 г. покончили жизнь самоубийством, Генри Ньюман предложил выделять три универсальных мотива террористической деятельности: культурологический – по логике террористов, общество надо время от времени «будоражить», лучше всего «с помощью крови»; рациональный – террор трактуется ими как эффективный инструмент политической деятельности; идеологический – террор выступает как прямо навязываемое орудие регуляции социальных процессов [8. С. 31].

Однако общезначимого классификатора мотивации террористической деятельности в настоящее время нет, так как существует достаточно много видов терроризма, в каждом из которых присутствуют свои мотивационные особенности. В этнорелигиозном терроризме проблема анализа мотива осуществления преступной деятельности является наиболее деликатной и сложной. В данном случае исследователю приходится сталкиваться с учетом религиозного и этнического факторов в процессе подготовки уголовно-правовой характеристики преступника-террориста или преступной группы. Современные описания типа личности террориста и попытки систематизации мотивационных факторов в его преступной деятельности далеки от истинных личностных характеристик террористов в исламистских радикальных группировках. Современные террористические объединения, использующие идеи ислама для совершения актов насилия, состоят отнюдь не из психопатов и эгоцентристов, социально обделенных и ущербных неудачников.

Известный арабист и специалист по проблеме терроризма на Ближнем Востоке К.А. Капитонов обращает внимание в своих исследованиях на совершенно иной тип активных молодых мусульман, которые сознательно вступают в террористические сообщества и участвуют в преступлениях против человечества. «Прежде всего, речь в данном случае идет о глобализированных молодых людях, которые идентифицируют себя с виртуальной и воображаемой мусульманской уммой (религиозная общность всех мусульман – прим. пер.). Часто их жизнь выстраивается по треугольнику: их семья родом из одной страны, затем они переезжают на Запад или на Западе рождаются и, наконец, они направляются в третью страну для того, чтобы там воевать.

Террористы направляются в Центральную Азию после того, как они на Западе или в западном окружении уже были радикализированы. К радикализации они приходят не в процессе конкретной политической практики, не в общении с другими людьми, а на основе получаемого в одиночестве опыта соприкосновения с виртуальной общностью – то есть с уммой в Интернете... они перемещаются от одного места проведения джихада к другому, они посещают лагеря подготовки,

где это возможно, и они никогда не принимают участия в политике той страны, в которой они жили или получили образование. Их ярость не является выражением гнева какой-то определенной общности, но только – виртуальной... Ислам этих радикалов реконструирован, а не передан прошлыми поколениями. Они никогда не ссылаются на традиции или на традиционный ислам. Так, например, они никогда не упоминают фетвы официальных мусульманских священнослужителей» [9. С. 232].

Обращает на себя внимание мотив догматикоправового оправдания любого преступления, в том числе убийства и самоубийства, среди исламистских боевиков. Лидеры террористических организаций смогли подготовить для своих исполнителей такие инструкции, в тексте которых содержится именно теологическо-правовое оправдание любого поступка «война Аллаха». Например, один инструктор боевого крыла организации «Хамас», объясняя суть подготовительной работы с «шахидом», подчеркнул, что важнейшим мотивом является убеждение в предстоящей встрече с Аллахом и пророком Мухаммедом, в вечном блаженстве в райском саду, в возможности ходатайствовать за своих близких, в семидесяти двух девственницах, которые ждут его в раю, а также в необходимости борьбы с неверными. Последовательность этих вопросов очень важна, и необходимо строго придерживаться такого порядка.

Подобная позиция молодых моджахедов, очевидно, связана с тем, что в лагерях подготовки боевиков инструкторы дают заучивать только те отрывки из Корана, где говорится о борьбе с неверными и идеализируется добровольная мученическая смерть за веру. Цитаты выбирают таким образом, чтобы обосновать религиозное значение убийства или самоубийственного террора, несмотря на то, что в Коране и хадисах пророка Мухаммеда совершенно отчетливо, даже сильнее, чем в других семитических религиях, выражен запрет самоубийства. Коран обязывает проявлять великодушие ко всем людям и всему сущему вообще, он приравнивает убийство одного невинного человека к убийству всего человечества [10. 5:32]. Убийство гражданского лица приравнивается в Коране к тягчайшему из грехов – безбожию [Там же. 25:68; 61:51]. Самоубийство, чем бы оно ни оправдывалось, не поощряется в мусульманской религии: «Тот, кто намеренно убьет себя, будет наказан вечным пребыванием в аду», – говорится в одном из хадисов пророка Мухаммеда.

Согласно исламской догматике война может вестись лишь с тем, кто воюет против мусульман, а мирное население под этот статус не подпадает. «И сражайтесь на пути Аллаха с теми, кто сражается с вами, но не преступайте, – поистине, Аллах не любит преступающих» [Там же. 2:190]. Мусульманские правоведы едины во мнении, что убийство не участвующих в войне женщин, стариков и детей является «харамом» – тяжким преступлением и великим грехом в исламе. Существует современная 600-страничная «Фетва по борьбе с терроризмом и террористами-смертниками» Шейх-уль-Ислама Мухаммада Тахира аль-Кадри. Эта фетва считается наиболее фундаментальным на сегодняшний день разоблачением антисуннитской практики самоподрывов, ее автор – известный исламский бо-

гослов, ханафитский алим (араб. ученый) и шейх тариката Кадирийя (араб. суфийская «школа Кадирийя»), основатель и глава международного движения «Минхадж аль-Куран».

Авторитарные исламские политики, такие как Муаммар Каддафи, Саддам Хусейн, могли позволить себе в момент военного кризиса призыв к джихаду и террору. В марте 2003 г. в обращении Саддама Хусейна к жителям Ирака прозвучало следующее: «Да здравствует джихад и Ирак, смерть агрессорам! Мне даже не нужно говорить, что именно надо делать для защиты нашей страны. Вы все это прекрасно знаете. Но вы должны знать, что каждого, кто противостоит этой агрессии, ожидает рай...» [11]. Лидеры исламского радикального движения «Хамаз» постоянно требуют от членов своих террористических отрядов помнить, что воин Аллаха и борец с неверными обязан безгранично верить в их общее дело, борьбу за истинную веру и освобождение земли правоверных, быть готовым стать шахидом и в любую минуту отдать свою жизнь ради победы.

Кроме личных призывов политиков, в центрах мирового джихадизма (Иране, Ливане, на Севере Африки – в Алжире и Египте, в Пакистане и Афганистане) радикально настроенными исламистскими правоведомы были разработаны фетвы (араб. мнение авторитетного правоведа), содержащие обоснованные разрешения на любые формы преступлений, которые могут совершать боевики в состоянии джихада. Данные фетвы в зависимости от региона применения были написаны на арабском и узбекском языках, а также на языках фарси и урду, позже переведены на языки народов Кавказа и даже русский язык. Например, стала популярной фетва верховного муфтия Саудовской Аравии Мухаммеда Ибрагима № 1479 из книги «Сборник фетв», изданной в ответ на вопрос алжирских моджахедов о разрешении самоубийства во избежание пыток в плену у врага. Убитый летом 2011 г. Усама бен Ладен заранее просил афганских улемов издать фетву, согласно которой он и его ближайшие сподвижники могут покончить с собой, поскольку это отвечает интересам всемирного ислама.

Союз Исламского Джихада (СИД) и Исламское Движение Узбекистана (ИДУ) на узбекском языке успели документально обосновать религиозно-правовые стороны идеологии джихада. «В узбекоязычных журналах ИДУ под названием «Кабоилда нима гап» и СИД под названием «Содиклар» были опубликованы в общей сложности сотни статей, посвященных идеологии джихада. Наибольший интерес в качестве мотивационного источника совершения террористических преступлений вызывает книга объемом около 85 страниц под названием «Фидойлик амалиётлари шариат тарозисида», что с узбекского языка переводится как «Мероприятия по самопожертвованию в измерениях шариата». Она посвящена религиозно-правовым аспектам реализации актов самопожертвования и состоит из семи разделов:

1. Дозволенность нанесения вреда своей жизни или телу ради могущества и победы религии.
2. Коллективное решение улемов о дозволенности нападения с трагическим исходом во время джихада.

3. О дозволенности нападения одного человека на многочисленных врагов, если даже он знал о том, что исход будет трагическим.

4. Человек, решившийся на самоубийство во имя Аллаха, в интересах религии, не будет считаться человеком, совершившим запрещенное шариатом самоубийство.

5. О достоинстве человека, знающего об опасности попасть в плен, но отказывающегося сдаться в плен и с терпением до смерти продолжающего борьбу.

6. О достоинстве терпения к смерти и непроизношения слова неверия даже в момент смерти.

7. О целесообразности самоубийства с целью недопущения раскрытия секретов под жестокими пытками» [12].

По мнению многих специалистов, никто из современных молодых террористов не имеет ярко выраженной психологической склонности к совершению убийств или к самоубийству. Образовательный и имущественный уровень в их среде очень разнообразный, так же различен и социальный статус. Совершившие теракт в Иерусалиме в 2008 г. двое «шахидов» вообще были сыновьями миллионеров. Очевидно одно: лиц, осуществивших террористический акт с применением взрывчатых веществ, дистанционно или путем самоподрыва, неизменно объединяет фанатичная религиозность и искренняя убежденность в том, что все их действия абсолютно законны с точки зрения ислама.

На территории Российской Федерации, как и на постсоветском пространстве Кавказа и Центральной Азии, с 1990-х гг. также начинают действовать радикальные группировки под прикрытием исламских лозунгов. Если в 1970–1980-е гг. в СССР террористами являлись в подавляющем большинстве случаи фанатики-одиночки, нередко с психическими отклонениями (50% захватчиков самолетов), то к началу 1990-х гг. уже в Российской Федерации возникли целые организации, готовившиеся к ведению вооруженной, по сути дела, террористической деятельности. Доморожденные террористы использовали самодельное или заводское стрелковое оружие, самодельные взрывные устройства (СВУ), но в период 1990–1993 гг. в Россию было незаконно ввезено около 1,5 млн стволов зарубежного огнестрельного оружия, которое попало в распоряжение целого ряда незаконных вооруженных формирований. В России начал свою деятельность ряд крупных террористических организаций. 14 февраля 2003 г. Верховный суд Российской Федерации признал террористическими 15 организаций, после чего их деятельность на территории России была запрещена. Среди них можно выделить такие, как «Братья мусульмане» (действующая в 50 регионах РФ), «Хизбут-Тахрир» (Московская область, Башкортостан, Татарстан, Тюменская область, Бурятия и т.д.), «Бирлик» (Ставропольский край), «Лашкар-и-Тайба» (Татарстан) и т.д.

В большинстве случаев незаконные вооруженные формирования в России действовали под руководством иностранных граждан (либо при их активном участии), прошедших специальную подготовку за рубежом и финансируемых из источников, нередко связанных с иностранными террористическими организациями. По данным спецслужб России, еще в 2000 г. на территории

Чечни насчитывалось 2,5–3 тыс. иностранных наемников, а в ходе боевых действий в 1999–2001 гг. было уничтожено около 1 тыс. наемников-иностранцев, в основном из арабских стран: Палестины, Ливана, ОАЭ, Египта, Йемена, Иордании, Афганистана, Саудовской Аравии, Кувейта, Туниса, Турции, Таджикистана, Алжира, Сирии. В соответствии со ст. 359 УК РФ «наемник» – лицо, действующее в целях получения материального вознаграждения и не являющееся гражданином государства, участвующего в вооруженном конфликте или военных действиях, не проживающее постоянно на его территории, а также не являющееся лицом, направленным на исполнение официальных обязанностей.

Наемники-инструкторы ввозили на территорию России специальные тексты, аудио- и видеоматериалы, предназначенные для укрепления догматико-правового обоснования законности применения любых методов террора против «неверных». Неофиты из незаконных вооруженных формирований, распространившихся в районах Чечни, Ингушетии и Дагестана, а позже – в Поволжье и даже Сибири, в отличие от своих собратьев по оружию с Ближнего Востока, не цитировали наизусть большие отрывки из Корана и плохо разбирались в тонкостях мусульманского законодательства. Мотивация их террористической деятельности формировалась по аналогичному с арабским, пакистанским или иным методом воздействия – методом принятия догматико-правового обоснования террора. Они были убеждены, что «Джахиллия» (араб. мир неверных) погибнет и конечная победа над всеми врагами обещана Аллахом. Основным аргументом в спорах на тему применения насильственных методов завоевания мира служило утверждение «Так написано в Коране». С середины 2000-х гг. в России появились собственные теоретики радикальной интерпретации Корана и шариата, получившие в среде отечественных террористов безоговорочное признание. Известной популярностью среди мусульманской молодежи в мечетях на территории от Кавказа до Казахстана и Дальнего Востока пользовались проповеди убитого во время спецоперации Александра Тихомирова, который был известен как идеолог отечественных боевиков Саид Бурятский. Он был признан организатором покушения на президента Ингушетии Юнус-Бека Евкурова 22 июня 2009 г., его же подозревали в организации взрыва у здания ГОВД Назрани 17 августа 2009 г. В результате теракта тогда погибли 25 милиционеров, ранения получили 260 человек. В июле 2009 г. в отношении Саида Бурятского было возбуждено уголовное дело по ст. 208 (участие в незаконных вооруженных формированиях) УК РФ, и он был объявлен в федеральный розыск. В распространяемых на различных информационных носителях лекциях Саида Бурятского радикальный ислам стал привлекательной идеологией для молодых мусульман, его фотография на мобильном телефоне у многих фанатов даже была сохранена в качестве заставки. Особенно популярными стали его идеи вооруженного панисламизма, в основе которых было сформировано представление о единстве мусульман всего мира, легитимности любого террора против «неверных» и необходимость объединения с целью создания исламского государства Халифат.

Необходимо упомянуть ликвидированного во время спецоперации в 2010 г. бывшего имама мечети Кизлярского района Дагестана Абдулмумина Абдулмуминова, который являлся идеологом местной диверсионно-террористической группы и активно публиковал свои интерпретации джихада на экстремистских сайтах. Остаются достаточно популярными сегодня в среде ваххабитской молодежи и радикальные выступления Докку Умарова, называющего себя главой организации «Имарат Кавказ».

В настоящее время мотивация террористической активности в России поддерживается посредством догматико-правового оправдания террора со стороны лидеров и идеологов боевиков. 18 июля 2011 г. директор ФСБ России Александр Бортников доложил Президенту Дмитрию Медведеву о предотвращении крупного теракта на транспорте в Московском регионе и задержании группы из Северного Кавказа. У задержанных было изъято взрывное устройство, эквивалентное по мощности 10 кг тротила, огнестрельное оружие, а также карта-схема одного из объектов, который они собирались подорвать. Участники группы последователей ваххабизма, задержанные сотрудниками спецслужб в Москве 5–6 июля (уроженец Грозного Мурад Эдильбиев, выходец из Кабардино-Балкарии Ислам Хамжуев, Мурад Умаев, который родился в Ингушетии, и проживавший в Мордовии Фярид Невлютов) являлись последователями идеолога террористического подполья Саида Бурятского. В отношении них возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 30, ч. 2 ст. 205 (приготовление к теракту), ч. 3 ст. 223 (незаконное изготовление оружия) и ч. 3 ст. 222 (незаконное хранение оружия) УК РФ.

Нельзя не отметить также, какое важное значение для мотивированного выбора этнорелигиозного террора как образа и цели жизни рядом молодых мусульман имеет и мотив преданности, или «байат» (араб. клятва в верности). Одни из первых исследователей роли института «байата» в существовании и пополнении джихадистских организаций Камолеттдин Рабимов и Сухробджон Исмоилов обратили внимание специалистов на то, что согласно фикху (араб. правоведческая школа) джихада и шариату, все мусульмане, которые собираются идти в бой, должны дать присягу верности своим политическим или военным руководителям. Вместе с тем здесь должен четко сохраняться принцип единоначалия. «Институт «байат» четко регламентирует сферы ответственности, границы подчинения и координации, а также области поведения организации моджахедов. «Байат» совершается только между мужчинами, хотя возраст мужчин, обязанных принести присягу верности и подчинения, строго не ограничен. Процедура совершения «байата» достаточно проста: сколь бы многочисленно ни было количество членов движения или организации, они поочередно по четвертям человек подходят к эмиру, кладут свои правые руки под руку эмира, и один из них произносит слова верности и подчинения. Слова, произносимые в «байате», зависят от намерений и возможностей членов движения. Присяга может быть следующего содержания: «Во имя Аллаха, в свидетельстве Аллаха и этих наших братьев-моджахедов я клянусь – я буду строго подчиняться вашим указаниям. Буду строго подчиняться до

тех пор, пока у меня есть сила, до тех пор, пока я жив». Вместе с тем могут быть члены движения среднего возраста, которые дают клятву в осуществлении нападения на врага с летальным исходом.

Хотя, согласно правовым нормам ислама, принести один раз присягу верности и подчинения считается вполне достаточным, во многих джихадистских организациях существует практика «обновления» «байата». При осуществлении «байата» улемы напоминают своим членам, что если моджахед не успел принести присягу верности и подчинения и погибает на поле боя в сражении с врагами, то его статус шахида останется под большим вопросом. Эти позиции подкрепляются текстами из первоисточников религии. Таким образом, клятва верности «байат» обеспечивает полный добровольный контроль за поведением моджахеда, его управляемость в процессе подготовки и совершения террористического акта, а также исключает совершение террора вне поля организации моджахедов, т.к. считается, что погибший на поле боя без клятвы, погибает в невежестве [13].

По мнению узбекских террологов, именно институт «байат» до сих пор в значительной степени определяет поведение Исламского движения Узбекистана и отделения «Мавераннахр» Союза исламского джихада. В перспективе взаимная обязанность и ответственность ИДУ и СИД в рамках «байата» в Афганистане и Центральной Азии могут привести к серьезным и далеко идущим последствиям. В боевых организациях «Хамас» среди шести базовых качеств моджахеда (преданность своему делу (террору) и своей организации; готовность к самопожертвованию; выдержанность, дисциплинированность; «конспиративность»; повиновение; коллективизм – способность поддерживать хорошие отношения со всеми членами своей боевой группы) важнейшим качеством выступает преданность, достигаемая на основе «байата» и предполагающая дисциплинированность и «конспиративность». Вступая в организацию, человек перестает принадлежать себе, своей семье, своим родителям, он принадлежит только Аллаху и своей организации. Этот принцип становится основополагающим для всех боевиков «Хамас». Институт «байата» активно практикуется у моджахедов Северного Кавказа и обеспечивает принцип управляемости теми или иными террористическими структурами на территории России.

Предпринятый на основе изучения традиций подготовки исламистских моджахедов анализ мотивов и криминального целеполагания в этнорелигиозном терроризме показал: заявления ряда специалистов о том, что доморощенные террористы или подготовленные в специализированных лагерях не понимают, какой цели они добиваются, согласившись стать убийцами или самоубийцами, действуют, как зомби, не размышляя о причине и последствиях своих поступков, игнорируют общечеловеческие принципы морали и ценности, в корне неверны. Также ошибочным является мнение о том, что для личности террориста весь мир замыкается на своей группе, своей организации, на целях своей деятельности. Поэтому, разумеется, такая цельность и целостность личности ограничивают ее, прежде всего накладывая жесткие ограничения на индивидуальность человека и свободу его выбора.

Террористы этнорелигиозной мотивации являются абсолютно самодостаточными личностями и не нуждаются ни в свободе поведения, ни в свободе выбора. Для лица, придерживающегося радикальных взглядов на основе ислама, добровольно осуществляющего террористический акт, характерны: во-первых, полная осознанность своих поступков, которые мотивированы их законностью с точки зрения ислама; во-вторых, полная индифферентность к каким-либо другим социокультурным установкам, помимо исламских, которые террористом не отвергаются, а просто для него не существуют; в-третьих, полная волевая решимость совершить запланированное преступное действие.

В целом в исламистских радикальных группировках основными мотивами преступной деятельности, квалифицируемой как терроризм, могут выступать догматико-правовая легитимизация террора и корпоративный стимулятор террористического акта на основе клятвы «байят». Резюмировать оба упомянутых мотива преступной деятельности можно следующим образом: «дозволено» с точки зрения религии и «хорошо» с точки зрения корпоративного сообщества, к которому принадлежит террорист. Оба названных мотива формируют цели преступления в этнорелигиозном сегменте терроризма. Таким образом, цель преступления возникает на основе преступного мотива, а в совокупности мотив и цель образуют ту базу, на которой формирует-

ся вина как определенное интеллектуальное отношение и волевая деятельность субъекта, связанные с совершением преступления. В данном случае четко прослеживаются такие криминологические особенности этнорелигиозного терроризма, как его общая опасность, преступный характер исполнения, преднамеренное создание обстановки общественного страха, оправдание применения насилия и психологического воздействия на объект террора в целях распространения преступных идей и преступных организаций этноконфессионального содержания.

Специфика мотивации террористических актов в этнорелигиозном сегменте терроризма обуславливает и специфику методов борьбы с ним. Силowymi методами можно лишь предотвратить, в худшем случае минимизировать, последствия террористических атак членов радикальных этнорелигиозных группировок. Наиболее действенными методами противостояния этнорелигиозному терроризму, на наш взгляд, является системная контрпропагандистская работа религиозных деятелей, СМИ, правоохранительных органов и ученых-востоковедов с целью формирования в информационном пространстве любого региона достоверных знаний о религиозной традиции, осуждения с конфессиональных позиций преступности и террора, поощрения коллективного опыта противостояния любым формам насилия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Криминология* : курс лекций / сост. А.В. Михайлова. Рязань, 2008. 115 с. URL: http://portal.miemp.ru/student/metod/uf/world_p.pdf
2. *Статистика*. Состояние преступности. Январь–декабрь 2010 г.; январь–июль 2011 г. 8 августа 2011 г. URL: http://www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/show_95406/
3. *Этнорелигиозный терроризм* / под ред. Ю.М. Антоняна. М. : Аспект-пресс, 2006. 318 с.
4. *Лазарев М.И.* Международный терроризм: критерии преступности // Новый мировой порядок и политическая общность. М., 1983. С. 52–57.
5. *Уголовное право России*. Общая часть: учебник / отв. ред. д-р юрид. наук Б.В. Здравомыслов. М., 1996. С. 161–202.
6. *Антонян Ю.М.* Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М. : Щит и меч, 1998. 306 с.
7. *Савинков Б.В.* Воспоминания террориста. Харьков : Пролетарий, 1928. URL: http://az.lib.ru/s/sawinkow_b_w/text_0010.shtml
8. *Ольшанский Д.В.* Психология терроризма. М., 2002. 80 с.
9. *Капитонов К.А.* Террор. Война без правил. Израильско-палестинское противостояние. М. : АСТ: Восток-Запад, 2006. 528 с.
10. *Коран* / пер. смыслов и коммент. Э.Р. Кулиева. М., 2002. 800 с.
11. *Саддам Хусейн* выступил с обращением к нации и объявил джихад США и их союзникам. 20.03.2003 г. URL: <http://www.newsru.com/world/20mar2003/ask.html>
12. *Рабимов К., Исмаилов С.* Взгляды узбекоязычного джихадизма. URL: <http://www.fergananews.com/>
13. *Волосевич А.* Идеология узбекоязычного джихадизма. URL: <http://www.fergananews.com/>

Статья представлена научной редакцией «Право» 1 октября 2011 г.